УДК 8; 81-139

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ

© Елена Рябко

HERMENEUTICS IN TRANSLATION STUDIES: FROM ITS HISTORICAL SOURCES TO THE PRESENT STATE

Yelena Ryabko

This paper describes the new tendency in the hermeneutic tradition – translational hermeneutics. The paper discusses how to distinguish philosophical hermeneutics from linguistic hermeneutics; what concepts modern linguophilosophical hermeneutics deals with; what methods of analysis it uses; how to use the hermeneutic method for a literary text analysis and analyze its translations. Being the art of understanding and the methodology of interpretation, hermeneutics can be undoubtedly used in philology and translation. It offers valuable tools for a literary text translator and researcher. The paper considers a new trend of hermeneutics - hermeneutics of translation and its key concepts. We attempt to distinguish between philosophical and linguistic hermeneutics, to determine the subject area and the content of the latter, and identify the use of hermeneutic methods for analyzing the literary original text and its translations. We have used the hermeneutic approach to Mikhail Bulgakov's novel "The Master and Margarita" and its two translations into English with the aim to compare the interpretations of literary source texts and translated texts. It enables a reader, a translator, a researcher to achieve an in-depth understanding of meanings of the work of art and the translated texts. The hermeneutic method of analysis is a way to study a work of art as a fact of artistic culture, to analyze the mechanisms of translational understanding of the original text and the mechanisms of its interpretation in the text of translation.

Keywords: hermeneutic concepts, linguophilosophical hermeneutics, methodology of interpretation, meaning, hermeneutic approach to translation studies.

В настоящее время герменевтика более не воспринимается как сугубо философское направление. Статья посвящена герменевтической методике толкования художественного текста и его переводов. Герменевтика, пройдя длительный и непростой путь становления и развития, нашла применение в филологии и переводоведении, предоставляя читателю, переводчику и исследователю художественного произведения средства его интерпретации. Автором рассматривается новое направление герменевтики – герменевтика перевода, ключевые герменевтические понятия. В статье предпринята попытка разграничить философскую герменевтику и лингвистическую, определить предметную область и содержательные контуры последней, а также найти применение герменевтических методов к анализу художественного текста-оригинала и его переводам. В результате автор предлагает герменевтическую модель художественной переводческой деятельности, направленную на сопоставление авторских и переводческих смыслов на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на английский язык. Герменевтический метод анализа представляет собой перспективное направление, способ изучить художественное произведение как факт художественной культуры, проанализировать механизмы переводческого понимания оригинала и механизмы его интерпретации в тексте перевода.

Ключевые слова: герменевтические понятия, философская герменевтика, лингвистическая герменевтика, интерпретация, смысл, герменевтическая модель художественной переводческой деятельности.

Сегодня художественный перевод не рассматривается как сугубо лингвистический феномен, поскольку переводческая деятельность не сводится к языковому посредничеству, она является собой контакт, органичное взаимодействие двух языков, литератур и культур. Соответствен-

но, деятельность переводчика художественной литературы регламентируется не только языковыми, в том числе стилистическими нормами, но и нормами бытия национальной и принимающей культур, особенностями художественной коммуникации, психологическим восприятием и пони-

манием произведения, личными предпочтениями.

В основе анализа соотношения между системами смыслов, заключенных в интерпретируемых и интерпретирующих текстах, лежат механизмы понимания и интерпретации. Это позволяет выбрать в качестве ведущего метода исследования переводной художественной литературы метод герменевтического анализа. Цель данной статьи заключается в разработке и описании комплексного подхода к сопоставлению исходного художественного и переводного текстов, к соотношению изначальных авторских смыслов и образов со смыслами и образами, представленными в переводных произведениях в рамках герменевтической методологии. Разработка поэтапного анализа системы смыслов в рамках нового, активно развивающегося направления герменевтики – переводческой герменевтики, определяет научную новизну представленного исследования. Сопоставление смысловых систем направлено на выявление симметрии / асимметрии их смыслового содержания и установления их причин. Исследование расширяет сферу применения герменевтического подхода, представляет интерес для практикующих переводчиков и исследователей художественной литературы и художественного перевода.

Герменевтическая методика толкования прошла длительный и непростой путь развития. Зародившись в древней Греции как искусство толкования устного слова – речей оракулов, герменевтика постепенно становится теорией нахождения и освоения смысла письменного текста – библейского, литературного, юридического, исторического, текста любой тематики, а затем превращается в особое направление в философии, сущность которого состоит в придании смысла не только исследуемому тексту, но и изучаемым культурно-историческим феноменам, в понимании сущности человеческого существования и осмыслении бытия [Соболева], [Серкова, 2005], [Шульга], [Кузнецов], [Ляпушкина].

Взаимодействие лингвистики и философской герменевтики создало необходимые методологические, гносеологические, лингвистические, аксиологические предпосылки для возникновения лингвистической герменевтики. Свидетельством этого являются термины «филологическая герменевтика» (Г. И. Богин), «лингвистическая герменевтика» (Л. Г. Бузук), «герменевтика перевода» (Е. А. Морозкина), «межкультурная герменевтика» (С. Е. Ячин), встречающиеся в работах современных исследователей.

Возникает закономерный вопрос, как разграничить философскую герменевтику и лингвисти-

ческую, определить предметную область и содержательные контуры последней, как применить герменевтические методы к анализу художественного произведения и его переводам.

Объектом исследования лингвистической герменевтики является текстовое общение как знаково-символическая система, под которой понимается общение с текстом и посредством текста. Любое текстовое общение включает два обязательных и взаимодействующих между собой уровня: лингвистический (текст не существует вне языкового материала и правил его применения) и герменевтический (процесс понимания и интерпретации) [Бузук, с. 60].

По мнению отечественного исследователя А. М. Камчатного, «текст многоаспектен и может быть истолкован философски, исторически, богословски или эстетически, но так как текст не существует вне языка, то во всякое истолкование и вплетается, так сказать, лингвистическая составляющая. Целью лингвистической герменевтики является вычленение этой составляющей и ее рассмотрение, иными словами, лингвистической герменевтику делает именно языковой аспект изучения интерпретируемого текста» [Камчатнов, с. 3] (курсив наш – Е. Р.).

Задачу лингвистической герменевтики исследователь определяет не как простое описание языковых фактов и их истолкование в тесной связи с текстом, а истолкование текста в тесной связи с языковой средой [Там же, с. 3–4].

Лингвистическая герменевтика преимущественно оперирует методами философской герменевтики. Ведущее место принадлежит пониманию, пониманию, интерпретации, герменевтическому кругу, контекстуальному анализу, принципу конгениальности. Для лингвистической герменевтики характерно отсутствие стабильного набора методов, для решения конкретной исследовательской задачи осуществляется свой подбор методов и обогащение методами других наук.

Переводческая герменевтика изучает механизмы переводческого понимания оригинала и инструменты его интерпретации в тексте перевода. Данное направление разрабатывается в трудах Н. К. Гарбовского, Т. А. Казаковой, Ю. Л. Оболенской, Н. Л. Галеевой, Н. И. Серковой, М. В. Моисеева, Е. А. Морозкиной и др. Герменевтические идеи и методы исследования позволяют по-новому взглянуть на понимание сущности процесса перевода, пересмотреть основные переводческие понятия и проблемы.

В рамках герменевтического подхода перевод трактуется как сложная интерпретирующая

система, системная деятельность, способная интерпретировать знаки одной семиотической системы знаками другой [Гарбовский, с. 242–243]. Н. К. Гарбовский подчеркивает, что переводчик переводит не слова и их значения, «а смыслы, рождающиеся только из определенных сочетаний знаков, обладающих определенной индивидуальностью». Иными словами, в тексте знак обладает не только языковым, но и авторским значением. Переводчик, понимая языковое, «постоянное означивание» знака, сталкивается с «авторским означиванием», на их основе создает «собственное индивидуальное означивание» [Там же, с. 246].

Н. И. Серкова обращает внимание на то, что «для переводчика понять художественное произведение как факт художественной культуры значит освоить авторскую концепцию мира. <...> Конгениальный автору переводчик в своей интерпретации текста демонстрирует понимание характера, направленности и целостности художественного смысла произведения, опираясь на семиотику текста и контекст культурной традиции» [Серкова, 2014, с. 129].

Герменевтический подход к пониманию сущности процесса перевода представлен в работах М. В. Моисеева. Автор говорит о том, что перевод по определению является герменевтическим процессом, представляя собой результат узнавания, понимания и интерпретации смысла, выражаемого с помощью совокупности языковых знаков, порожденных представителем одной лингвокультуры в границах определенной картины мира для носителей другой лингвокультуры [Моисеев].

Герменевтические идеи позволяют переоценить многие дискуссионные проблемы и вопросы теории перевода: проблему вычленения единицы перевода, вопрос о соотношении смыслов исходного и переводящего текстов, подход к способам передачи смыслового содержания оригинала (межъязыковые и межкультурные преобразования).

Понимание перевода как процесса преобразования системы смыслов, заключенной в знаках исходного языка, при ее передаче знаками языка перевода позволяет исследователям выделить в качестве единицы перевода не лингвистическую категорию (Л. С. Бархударов, Р. К. Миньяр-Белоручев, Я. И. Рецкер и др.), а некий смысловой элемент, «квант информации», единицу смысла [Гарбовский, с. 256–257]. При таком подходе единица перевода предстает как сложное системное образование, элемент целостного акта перевода. Такая трактовка единицы перевода приводит к пониманию того, что

исходный и результирующий тексты обладают некоторыми аналогиями систем смыслов, для которых естественным и часто единственно возможным отношением является отношение асимметрии.

Смысловая асимметрия возникает в результате соприкосновения двух языковых систем, структура и значение единиц которых не эквивалентны, не «равнообъемны» [Там же, с. 342]. При этом речь идет не только о межъязыковой асимметрии, возникающей как следствие лексических, грамматических, стилистических расхождений систем двух языков, но и о межкультурной асимметрии, поскольку неотъемлемой составляющей смысла являются экстралингвистические и культурные факторы [Введение в синергетику перевода], [Гончар], [Оришак]. Выявление асимметричных смысловых отношений возможно в ходе сопоставления языковых ресурсов, которыми оперируют автор и переводчик, а также исследования культурно-языковых картин мира, представленных в обоих текстах.

Межъязыковые преобразования, совершаемые в процессе перевода, традиционно называют трансформациями (термин генеративной лингвистики). Н. К. Гарбовский предлагает закрепить термин трансформация за процессом преобразования системы смыслов, заключенных в исходном тексте, в систему смыслов текста перевода; для обозначения отношений между исходным текстом и текстом перевода использовать термин межъязыковая асимметрия, конкретные переводческие действия называть трансформационными операциями [Там же, с. 369].

Следует отметить отсутствие единой универсальной классификации межъязыковых и межкультурных преобразований. С точки зрения герменевтики, особый интерес представляют типологии отечественного исследователя Л. К. Латышева и канадских лингвистов Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, поскольку в них межъязыковые преобразования рассматриваются не только как приемы изменения знаков на разных уровнях языковой системы (В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, Р. К. Миньяр-Белоручев, А. Н. Паршин, Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман и др.), но и как приемы преобразований смысла.

Разграничивая языковые и речевые явления в переводческих преобразованиях, Л. К. Латышев выделяет в своей типологии переводческих трансформаций трансформации категориально-морфологические, синтаксические, лексические, а также глубинные, которые выходят за рамки уровней языковой системы и затрагивают уро-

вень структуры речи [Латышев, с. 111]. Такой подход подтверждает идею о том, что переводческие преобразования оказываются обусловленными не только асимметрией систем языков, сталкивающихся в переводе, но и асимметрией мировосприятий и культур, оказывающихся в соприкосновении в переводе.

Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне в работе «Технические способы перевода» выделяют два направления переводческой деятельности: прямой (буквальный) и косвенный перевод. Способы косвенного перевода – транспозиция, модуляция, адаптация и эквиваленция. При транспозиции происходит замена одной части речи другой без изменения смысла всего сообщения [Вине, Дарбельне]. Транспозиция применяется в силу асимметрии языковых систем, принятых норм использования языковых знаков, асимметрии членения действительности разными языковыми картинами мира [Гарбовский, с. 378–379]. Модуляция – варьирование сообщения посредством изменения точки зрения, представляет собой семантическое, смысловое преобразование, поиск индивидуальных переводческих решений. Эквиваленция – использование устойчивых, готовых форм. Адаптация заключается в подмене предметной ситуации, описанной в переводе, другой, эквивалентной, соответствующей культуре переводящего языка [Вине, Дарбельне]. Адаптация возникает ввиду асимметрии культур [Гарбовский, с. 383].

Суммируя вышесказанное, герменевтическая модель художественной переводческой деятельности может быть представлена двумя последовательными этапами.

На первом этапе происходит формирование первичного представления о смысловом содержании оригинала художественного произведения, формируется предпонимание текста. Переводчик собирает информацию экстралингвистического характера (сведения об авторе и контексте эпохи, истории создания произведения и публикаций, его художественной ценности, особенностях художественного мира, информацию о личности / личностях переводчиков, времени создания текстов перевода, которое рассматривается с точки зрения сохранения или смены исторических и культурных парадигм и т. п.).

Второй этап предполагает два взаимосвязанных процесса, разделить которые не представляется возможным ввиду того, что они тесно переплетены в сознании интерпретатора: процесс интерпретации, герменевтического толкования смыслов текста оригинала через сопереживание, понимание, контекстуальный анализ, с позиций горизонта жизненного опыта, который протекает

одновременно с процессом передачи смыслов, раскрытых в оригинале произведения, в текст перевода посредством определенных переводческих действий («трансформационных операций» [Там же, с. 369]), выбора межъязыковых и межкультурных соответствий. При этом, ввиду асимметрии языков и культур, потенциальных возможностей языковых знаков, происходит неизбежное наполнение переводящего текста дополнительными, осознанными и интуитивными смыслами.

Принципы и понятия герменевтического толкования использованы в данной статье в анализе образа Понтия Пилата из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на английский язык, выполненных переводчиком, лингвистом, автором собственных рассказов и книг М. Гинзбург (1967) и переводчиком русской классики, профессором факультета русского языка Вестминстерского колледжа Лондона Х. Эплином (2008). За каждым из переводов скрыта личность создателя-переводчика, время создания и его реалии и ценности. В основе перевода М. Гинзбург – впервые опубликованный, подвергшийся цензуре текст романа. Время создания текста перевода – эпоха идеологического противостояния мировых держав. Перевод Х. Эплина основан на канонической, дополненной версии оригинала, создан в эпоху дипломатических мировых отношений, на фоне трансформации ценностей.

Образ Понтия Пилата играет ключевую роль в романе. На первый взгляд кажется, что писатель наделяет своего персонажа чертами традиционного образа, представленного в текстах Священного Писания. Но при более пристальном рассмотрении становится очевидно, что булгаковский Пилат только внешне похож на этот образ.

Из новозаветных сказаний и трудов античных историков следует, что Пилат запомнился своим современникам как беспощадный воин, грозный и алчный властитель, жестокий каратель, с презрением относившийся к иудейской вере и народу. О жестокости прокуратора как правителя свидетельствует следующий отрывок:

В Ершалаиме все шепчут про меня, что я свирепое чудовище, и это совершенно верно [Булгаков, с. 20].

У М. Гинзбург Пилат предстает как *a vicious monster*. Прилагательное *vicious* отсылает читателя не только к безжалостному авторитарному характеру героя, но и к его порочной, аморальной сущности: *vicious* – 1. *deliberately cruel, dan-*

gerous or violent; 2. (literary) immoral, is pertaining to vice [Cambridge Dictionary]. Ее Пилат не только жесток, он порочен. В богословской литературе порок – нравственный, духовный недостаток, отрицательное моральное качество человека. Выбор переводчика удачен. Булгаков развивает идею духовной порочности своего героя, ведь Пилат отправит невиновного Иешуа на смерть из боязни потерять свое положение и, возможно, жизнь, позднее осознав, что «*трусость, несомненно, один из самых страшных пороков*»; «*это самый страшный порок*» [Булгаков, с. 336].

У Х. Эплина Пилат – *a savage monster*. Savage – 1. cruel; 2. wild; not cultivated, uncivilized [Cambridge Dictionary]. Для читателя этого варианта перевода жители Ершалаима бояться наместника из-за его жестокого крутого нрава, однако знают и «шепчут» о его низком происхождении, принадлежности к сословию всадников, презирая его. Духовные качества и страдания персонажа не отражены в этом варианте перевода.

О крутом нраве персонажа и его могуществе говорит и следующая фраза:

Тогда он (секретарь. – *Е. Р.*) постарался представить себе, в какую именно причудливую форму выльется гнев вспыльчивого прокуратора при этой неслыханной дерзости арестованного [Булгаков, с. 25].

М. Гинзбург подбирает аналог *the wrath* для оригинального *гнев*:

Then he tried to imagine what fantastic forms the wrath of the fiery-tempered Procurator would take at this unprecedented impertinence of the prisoner [Bulgakov, 1967].

У Х. Эплина аналог нейтрален – *the anger*:

Then he tried to imagine in precisely what whimsical form the anger of the hot-tempered Procurator would express itself at this unheard-of impertinence from the prisoner [Bulgakov, 2008].

Варианты *anger* и *wrath* вносят разные оттенки смыслов в характеристику персонажа. «Anger», будучи нейтральным вариантом, передает эмоцию, присущую любому человеку. Каждый из нас испытывает злость время от времени, это естественное психологическое состояние человека. Anger – a strong feeling of annoyance, displeasure, or hostility [Cambridge Dictionary]. Wrath – extreme anger [Cambridge Dictionary]; strong vengeful anger or indignation; retributory punishment for an offense or a crime: divine chastisement [Merriam-Webster dictionary]. Помимо эмоционального драматического оттенка, существи-

тельное «wrath» имеет коннотации власти, контроля; это чувство человека, обладающего могуществом, гнев которого может носить разрушительный характер. У лексемы «anger» данные коннотации отсутствуют.

Секретарь характеризует прокуратора как человека вспыльчивого. В переводах прилагательное передано вариантами соответствиями *fiery-tempered / hot-tempered*. Х. Эплин отдает предпочтение разговорному варианту.

В романе Булгакова по ходу допроса раскрываются другие черты героя:

<...> ты слишком замкнут и окончательно потерял веру в людей. Ведь нельзя же, согласись, поместить всю свою привязанность в собаку. Твоя жизнь скучна, игемон <...> [Булгаков, с. 24].

Герой Булгакова стал заложником своего социального положения и жизненных обстоятельств. В Евангелии от Матфея упоминается жена Понтия Пилата, она видит вещий сон, который предвещает страшные несчастья, если Пилат казнит праведника. Она просит мужа за Христа. У Булгакова Понтий Пилат одинок. У него нет друзей. Только верный Банга скрашивает его одиночество.

Переводчики наполняют фрагмент разными смыслами:

<...> you keep to yourself too much and have lost all faith in men. After all, you must agree, a man cannot place all of his affection in a dog. Your life is too barren, Hegemon <...> [Bulgakov, 1967] (Гинзбург).

<...> you're too self-contained, and you've utterly lost your faith in people. I mean, you must agree, you really shouldn't make a dog the sole object of your affection. Your life is a poor one, Hegemon <...> [Bulgakov, 2008] (Эплин).

У Булгакова герой «замкнут», иными словами, он необщителен, одинок. Эта характеристика отражена в эквивалентном варианте М. Гинзбург – *you keep to yourself too much*. Keep to oneself – avoid contact with others; to spend a lot of time alone [English Oxford Living Dictionaries]. Речь Иешуа в оригинальном тексте и переводе М. Гинзбург вызывает сочувствие и сострадание к персонажу, заставляет читателя посмотреть на героя с другой стороны.

Данная идея находит развитие и в эквиваленте *barren* (life), который подчеркивает отсутствие духовных ценностей в жизни прокуратора: barren – empty of meaning or value [English Oxford Living Dictionaries]. Речь Иешуа в оригинале имитирует плавную задушевную речь проповедника, цель которого оказать помощь, быть услышанным.

Выбор лексики и полные формы, которые использует М. Гинзбург в переводе конгениальны стилю оригинала.

Вариант Х. Эплина звучит гораздо современнее за счет использования кратких форм и выбора соответствующей лексики. Эквивалентное прилагательное *self-contained* дефинируется как *quiet and independent; not depending on or influenced by others* [English Oxford Living Dictionaries]. Пилат воспринимается читателем этого варианта перевода как самодостаточный, независимый, самостоятельный человек. Странно, что его тяготит одиночество. Переводчик вносит собственный смысл в характеристику персонажа.

У Х. Эплина жизнь Пилата описывается при помощи прилагательного *poor* – *of a low or inferior standard or quality* [English Oxford Living Dictionaries], которое выражает отсутствие благ. Весь абзац у Х. Эплина с его краткими формами звучит как диагноз современного психолога, который в дружественной, доступной форме сообщает пациенту о его проблемах.

В романе к Пилату приводят бродягу, который, по словам тайных агентов, призывал разрушить храм. Согласно евангелистам, иудейские первосвященники, осудив Иисуса Христа на смерть, не могли сами привести приговор в исполнение без его утверждения римским наместником, поэтому они привели Христа к Пилату:

– Подследственный из Галилеи? К тетрарху дело посылали?

– Да, прокуратор, – ответил секретарь.

– Что же он?

– Он отказался дать заключение по делу и смертный приговор Синедриона направил на ваше утверждение [Булгаков, с. 19].

Рассмотрим варианты перевода диалога в переводах:

“The accused is from Galilee? Was the case sent to the Tetrarch?” “Yes, Procurator,” replied the secretary. “What did he say?” “He refused to give a decision in the case and ordered that the Sanhedrin’s death sentence be submitted to you for confirmation” [Bulgakov, 1967] (Гинзбург).

“The man under investigation is from Galilee, is he? Was the case sent to the Tetrarch?” “Yes, Procurator,” replied the secretary. “And he did what?” “He refused to give a decision on the case and sent the Sanhedrin’s death sentence for your ratification” [Bulgakov, 2008] (Эплин).

Пилат М. Гинзбург называет Иешуа *the accused* – обвиняемым, иными словами, тем, против кого уже выдвинуто обвинение, собраны доказательства вины. Таким образом, для прокуратора этот человек заведомо виновен, его пред-

стоящий допрос и суд – формальная сторона дела. Понтий Пилат, который, как мы помним, страдает от сильного приступа гемикрании, в этом варианте перевода стремится поскорее выполнить формальности, подтвердить смертный приговор и удалиться в свои покои.

В варианте Х. Эплина Пилат относится к бродяге как к *the man under investigation* – подследственному, то есть тому, кто находится под следствием. Словосочетание не выражает прямую значимость вины этого лица. Пилат собирается провести допрос, чтобы вникнуть и разобраться, действительно ли виновен этот человек. Ситуация напоминает состояние судопроизводства в современном обществе: человек не виновен, пока не доказана его вина.

В диалоге секретарь сообщает прокуратору о том, что тетрарх направил смертный приговор Синедриона на утверждение Пилата.

М. Гинзбург переводит фразу с использованием эквивалента *for confirmation*. Помимо прямого значения «подтверждение», «утверждение» (*an announcement or proof that something is true or certain* [Cambridge Dictionary]), лексическая единица «confirmation» может использоваться в качестве юридического термина «конфирмация» – утверждение высшей властью судебного приговора, именно это ожидается от Пилата.

Х. Эплин выбирает более современный, однако менее удачный, на наш взгляд, эквивалент *for ratification*. «Ratification» определяется словом как *the act of voting on a decision or signing a written agreement to make it official (law, politics)* [Cambridge Dictionary]. Термин «ратификация» применяется, когда речь идет о придании юридической силы важному документу, часто международному договору, что не соответствует сюжету романа.

В ходе допроса Пилат понимает, что перед ним невероятно образованный человек, философ и тонкий психолог. Он решает вынести оправдательный приговор:

<...> игемон разобрал дело бродячего философа <...> и состава преступления в нем не нашел. В частности, не нашел ни малейшей связи между действиями Иешуа и беспорядками, происшедшими в Ершалаиме недавно. Бродячий философ оказался душевнобольным. Вследствие этого смертный приговор Га-Ноцри, вынесенный Малым Синедрионом, прокуратор не утверждает. Но ввиду того, что безумные, утопические речи Га-Ноцри могут быть причиной волнений в Ершалаиме, прокуратор удаляет Иешуа из Ершалаима и подвергает его заключению [Булгаков, с. 27].

В переводах этот отрывок представлен следующим образом:

the Hegemon had heard the case of the itinerant philosopher Yeshua <...> and found no evidence of crime. Specifically, he found no connection whatsoever between Yeshua's actions and the disorders which had recently occurred in Yershalayim. The itinerant philosopher turned out to be mentally ill, and hence the Procurator did not confirm the death sentence passed upon Ha-Nozri by the Small Sanhedrin. However, since the mad Utopian speeches of Ha-Nozri could cause unrest in Yershalayim, the Procurator exiled Yeshua from Yershalayim and sentenced him to confinement [Bulgakov, 1967] (Гинзбург).

the Hegemon has heard the case of the vagrant philosopher Yeshua <...> and failed to find corpus delicti. In particular, he has failed to find the slightest link between the actions of Yeshua and the disturbances that have recently taken place in Yershalaim. The vagrant philosopher has turned out to be mentally ill. Consequently, the Procurator does not confirm the death sentence pronounced on Ha-Nozri by the Lesser Sanhedrin. But in view of the fact that Ha-Nozri's mad utopian speeches could be the cause of unrest in Yershalaim, the Procurator is removing Yeshua from Yershalaim and will subject him to imprisonment [Bulgakov, 2008] (Эплин).

В первую очередь обратим внимание на перевод фразы *состава преступления в нем не нашел*. М. Гинзбург, следуя за оригиналом, переводит фразу с использованием нейтральной лексики – *found no evidence of crime*, в то время как Х. Эплин вводит в текст перевода юридический термин на латинском языке – *failed to find corpus delicti*. Понтий Пилат – представитель римской власти, и, возможно, переводчик стремился стилизовать текст перевода, наделив речь своего героя крылатым выражением на латыни. Пилат вершит суд над Иешуа, отсюда юридический термин. Пилат в интерпретации Х. Эплина говорит как юрист на заседании суда.

Также интересен перевод глагола *не нашел*, который используется в отрывке дважды, подчеркивая уверенность Пилата в невиновности подсудимого. М. Гинзбург использует фразу *found no connection*, где отрицательное местоимение «но» усиливает эмоциональную нагрузку высказывания. Пилат уверенно и лаконично констатирует отсутствие вины Иешуа. Он – представитель римского императора, имеет полное право отклонить приговор Малого Синедриона, что и собирается сделать.

У Х. Эплина находим эквивалент *failed to find*. Переводчик добавляет глагол *fail*, который определяется в словарях следующим образом: *fail* – not to succeed in what you are trying to achieve or are expected to do [Cambridge Dictionary]; behave in a way contrary to expectations by not

doing something [English Oxford Living Dictionaries]. В этом варианте перевода Понтий Пилат понимает, какое решение ожидает от него иудейская судебнo-религиозная инстанция. В своем внутреннем монологе он словно пытается оправдаться прежде всего перед самим собой, что он сделал все, чтобы выявить вину подсудимого, однако не преуспел в этом. В дальнейшем ему предстоит оправдываться перед первосвященником. Этот смысловой оттенок мало соответствует образу всевластного уверенного в себе римского наместника.

Узнав о том, что Иешуа высказывался против власти кесаря, Пилат видит необычное видение, и у него в голове возникают странные мысли:

Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные: «Погиб!», потом: «Погибли!..» И какая-то совсем нелепая среди них о каком-то должествующем непременно быть – и с кем?! – бессмертии, причем бессмертие почему-то вызывало нестерпимую тоску [Булгаков, с. 28].

Согласно христианскому учению, главным врагом человечества является грех, под которым подразумеваются неправильные или несправедливые поступки человека. Тяжелый грех, учит Библия, влечет за собой потерю возможности спасения души. У Булгакова такой тяжелый грех собирается совершить Пилат, утвердив смертный приговор в отношении невиновного человека. Интуитивно Пилат понимает, что обрекает свою душу на гибель: «Погиб!»; более того, его поступок обрекает на гибель души всех людей, все человечество, потерявшее веру в Бога: «Погибли!»

Переводчики по-разному распознают и передают в переводе смысловую нагрузку эпизода:

Short, incoherent and extraordinary thoughts rushed through Pilate's mind. "Lost!" Then, "We are lost!" And then an altogether absurd idea among the others, about some sort of immortality, and for some reason the thought of immortality gave him intolerable anguish [Bulgakov, 1967] (Гинзбург).

His thoughts raced, brief, incoherent and extraordinary. "He's done for!" then: "We're done for!" And among them was one utterly absurd one about some sort of immortality, and immortality for some reason provoked unbearable anguish [Bulgakov, 2008] (Эплин).

Вариант М. Гинзбург *lost* очень емкий в смысловом отношении, имеет следующие коннотации: 1. to be unable to find; 2. to bring to destruction; 3. to miss from one's possession (something wanted or valuable); 4. to fail to keep [Merriam-Webster dictionary]. Принимая решение, прокуратор теряет свой путь в жизни, ведь он, как представитель верховной власти и закона, обязан за-

щищать невинных. Он совершает грех, разрушает свою душу, не может сохранить, удержать, и в конце концов теряет ее. Помимо этого, данный вариант перевода предполагает, что Пилат самостоятельно принимает решение, и, следовательно, вся ответственность и вина возлагается непосредственно на него.

Х. Эплин использует идиоматическое выражение *to be done for*, которое дефинируется как: 1. *to be doomed to death or destruction*; 2. *To be in a situation so bad that it is impossible to get out of it*; 3. *To be lost, dead* [Cambridge Dictionary]. В данном варианте перевода персонаж попадает в очень сложную ситуацию, из которой нет выхода. Он обречен принять противоречащее его совести решение, не имеет возможности избежать этого. По нашему мнению, наблюдается смысловое несоответствие перевода тексту оригинала: у Х. Эплина Пилат обречен на роковую ошибку, иными словами, вина не его, поступок прокуратора обусловлен некими внешними силами или факторами, которым он не в силах противостоять. В оригинале романа решение Понтия Пилата является одной из ключевых идей, писатель ставит своего героя перед невероятно трудным выбором: поступить правильно, по совести и спасти жизнь невинного или лишиться всего, подвергнуть свою собственную жизнь опасности. Это решение герой должен принять сам, и сам должен нести ответственность за него.

Из вышесказанного следует, что образ персонажа представлен в текстах переводах так, как он воспринимается каждым переводчиком с позиции того, что называется в герменевтике «горизонтом жизненного мира». Понтий Пилат в переводе М. Гинзбург – могущественный государственный деятель, но, помимо этого, очень одинокий человек, страдающий от душевного неблагополучия. В переводе Х. Эплина Понтий Пилат «выглядит» современнее. Переводчик выделяет в первую очередь деловые качества персонажа. Прокуратор предприимчив, самодостаточен, обладает чертами современного политика, психолога, юриста, опытного и действующего по ситуации. Переводчики по-разному дешифруют и передают в тексты перевода смысловое содержание одной из ключевых проблем романа – проблемы нравственного выбора, которую писатель ставит перед своим героем. В переводах персонаж наделен разной мерой ответственности за принятое решение: у М. Гинзбург Пилат отправляет Иешуа на смерть осознанно, сознательно, и, соответственно, степень его вины существенна, у Х. Эплина прокуратор принимает решение под давлением внешних факторов, что снижает его ответственность за поступок.

Герменевтический метод видится перспективным способом изучения соотношения изначальных авторских смыслов и смыслов, представленных в переводных произведениях. Методика поэтапного анализа включает привлечение данных внешней среды, создающих историко-литературный и социокультурный контекст и свидетельствующих о роли и влиянии общества и участия человека (автора и переводчиков), вычленение сопоставимых образов и сюжетных линий как единиц исследования и их смысловую интерпретацию в исходном тексте и текстах перевода, сопоставительное изучение соотношения между системами смыслов в оригинале романа и текстах перевода, изучение языковых и текстовых ресурсов, используемых для воспроизведения сопоставляемых образов и сюжетных линий в текстах переводов.

Список литературы

- Бузук Л. Г. Лингвистическая герменевтика: в поисках методологических оснований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 8 (62): в 2-х ч. Ч. 2. С. 59–62.
- Булгаков М. Мастер и Маргарита. Симферополь: Таврия, 1994. 404 с.
- Введение в синергетику перевода: монография / Л. В. Кушнина, И. Н. Хайдарова, С. С. Назмутдинова, и др.; под общ. ред. Л. В. Кушниной. Пермь: изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. 278 с.
- Вине Ж.-П., Дарбельне Ж. Технические способы перевода. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/vinay-darbelnet-78.htm> (дата обращения: 14.11.2018).
- Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Гончар Н. Г. Асимметрия в переводе художественного текста: этнолингвокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 21 с.
- Камчатнов А. М. Лингвистическая герменевтика (на материале древнерусских рукописных источников). М.: Прометей, 1995. 166 с.
- Кузнецов В. Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления // Логос. 1999. № 10. С. 43–88.
- Латышев Л. К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. М.: издательский центр «Академия», 2005. 320 с.
- Ляпушкина Е. И. Введение в герменевтику: учеб. пособие. СПб.: изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 96 с.
- Моисеев М. В. Перевод как вид герменевтического дискурса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-kak-vid-germenevticheskogo-diskursa> (дата обращения: 21.09.2018).
- Оришак О. В. Факторы культурной асимметрии в лингвистическом сопоставлении и в переводе (на материале русских и французских военных и военно-политических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 17 с.

Серкова Н. И. Оказиональное словообразование как явление художественной речи: монография. Хабаровск: изд-во ХГПУ, 2005. 260 с.

Серкова Н. И. Художественный перевод: системно-целостный подход // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (42). С. 123–132.

Соболева М. Е. Философская герменевтика: понятия и позиции. М.: Академический Проект, 2013. 151 с.

Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФ РАН, 2002. 237 с.

Bulgakov M. The Master and Margarita. Translated from the Russian by Mirra Ginsburg (Electronic resource): ebook. New York: Grove Press, 1967.

Bulgakov M. The Master and Margarita. Translated from the Russian by Hugh Aplin (Electronic resource): ebook. Alma Classics Ltd, 2008.

Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 15.03.2019).

English Oxford Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 18.10. 2018).

Merriam-Webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 15.09.2018).

References

Bulgakov, M. (1994). *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. 404 p. Simferopol', Tavriia. (In Russian)

Bulgakov, M. (1967). *The Master and Margarita*. Translated from the Russian by Mirra Ginsburg (Electronic resource): ebook. New York, Grove Press. (In English)

Bulgakov, M. (2008). *The Master and Margarita*. Translated from the Russian by Hugh Aplin (Electronic resource): ebook. Alma Classics Ltd. (In English)

Buzuk, L. G. (2016). *Lingvisticheskaia germenevika: v poiskakh metodologicheskikh osnovanii* [Linguistic Hermeneutics: In Search of Methodological Grounds]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, Gramota, No. 8 (62), v 2-kh ch. Ch. 2, pp. 59–62. (In Russian)

Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed: 15.03.2019). (In English)

English Oxford Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (accessed: 18.10. 2018). (In English)

Garbovskii, N. K. (2004). *Teoriia perevoda* [Translation Theory]. 544 p. Moscow, izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian)

Gonchar, N. G. (2009). *Asimmetriia v perevode khudozhestvennogo teksta: etnolingvokul'turnyi aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Asymmetry in Literary Text Translations: Ethno-Linguocultural Aspects: Ph.D. Thesis Abstract]. Tiumen', 21 p. (In Russian)

Kamchatnov, A. M. (1995). *Lingvisticheskaia germenevika (na materiale drevnerusskikh rukopisnykh istochnikov)* [Linguistic Hermeneutics (based on ancient Russian sources)]. 166 p. Moscow, Prometei. (In Russian)

Kuznetsov, V. G. (1999). *Germenevika i ee put' ot konkretnoi metodiki do filosofskogo napravleniia* [Hermeneutics and Its Way from the Definite Methodology to the Philosophical Movement]. Logos. No. 10, pp. 43–88. (In Russian)

Latyshev, L. K. (2005). *Tekhnologiia perevoda* [Technology of Translation]. Ucheb. posobie dlia stud. lingv, vuzov i fak. 2-e izd., pererab. i dop. 320 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Akademiia". (In Russian)

Liapushkina, E. I. (2002). *Vvedenie v germeneviku* [Introduction to Hermeneutics]. 96 p. Ucheb. posobie. St. Petersburg, izd-vo S.-Peterb. un-ta. (In Russian)

Merriam-Webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 15.09.2018). (In English)

Moiseev, M. V. *Perevod kak vid germenevticheskogo diskursa* [Translation as a Kind of Hermeneutical Discourse]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-kak-vid-germenevticheskogo-diskursa> (accessed: 21.09.2018). (In Russian)

Orishak, O. V. (2009). *Faktory kul'turnoi asimmetrii v lingvisticheskom sopostavlenii i v perevode (na materiale russkikh i frantsuzskikh voennykh i voenno-politicheskikh tekstov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Factors of Cultural Asymmetry in Linguistic Comparison and Translation (based on Russian and French military and military-political texts): Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 17 p. (In Russian)

Serkova, N. I. (2014). *Khudozhestvennyi perevod: sistemno-tselostnyi podkhod* [Literary Translation: Systemic-Complex Approach]. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. No. 2 (42), pp. 123–132. (In Russian)

Serkova, N. I. (2005). *Okkazional'noe slovoobrazovanie kak iavlenie khudozhestvennoi rechi* [The Occasional Word-Formation as a Phenomenon of Literary Speech], Monografiia. 260 p. Khabarovsk, izd-vo KhGPU. (In Russian)

Shul'ga, E. N. (2002). *Kognitivnaia germenevika* [Cognitive Hermeneutics]. 237 p. Moscow, IF RAN. (In Russian)

Soboleva, M. E. (2013). *Filosofskaia germenevika: poniatii i pozitsii* [Philosophical Hermeneutics: Categories and Views]. 151 p. Moscow, Akademicheskii Proekt. (In Russian)

Vine, Zh.-P., Darbel'ne, Zh. *Tekhnicheskie sposoby perevoda* [Translation Techniques]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/vinay-darbelnet-78.htm> (accessed: 14.11.2018). (In Russian)

Vvedenie v sinergetiku perevoda: monografiia (2014) [Introduction into the Synergetics of Translation]. L. V. Kushnina, I. N. Khaidarova, S. S. Nazmutdinova, i dr.; pod obshch. red. L. V. Kushninoi. 278 p. Perm', izd-vo Perm. nats. issled. politekhn. un-ta. (In Russian)

The article was submitted on 26.02.2019
Поступила в редакцию 26.02.2019

Рябко Елена Игоревна,
аспирант,
старший преподаватель,
Тихоокеанский государственный университет,
680030, Россия, Хабаровск,
Тихоокеанская, 136.
elena-r.kha@mail.ru

Ryabko Yelena Igorevna,
graduate student,
Assistant Professor,
Pacific State University,
136 Tihookeanskaya Str,
Khabarovsk, 680030, Russian Federation.
elena-r.kha@mail.ru